

СИМУЛЯТОР ПРЕЗИДЕНТА

ГОСУДАРСТВУ НЕ НУЖЕН ЧЕЛОВЕК.
ЕМУ НУЖНА ФУНКЦИЯ.

18+

ДМИТРИЙ Г. Е.

Дмитрий Е. Симулятор Президента

<https://litres.ru/74388064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два законных приказа. Один состав. Восемьдесят четыре вагона угля — и система, в которой никто не имеет права решить, какой приказ исполнить.

Когда город начинает замерзать, инфраструктурный аудитор Дмитрий Евгеньевич получает разовое право выбрать один маршрут. Решение срывает. А затем государство просит его сделать это снова.

Так начинается путь человека, который пытается построить власть, способную исправлять собственные ошибки. В мире релейных линий, паровых машин, закрытых архивов и бумажных контуров каждый новый механизм контроля создаёт новую ответственность, а каждый успех делает систему опаснее.

«Симулятор Президента» — политический триллер и социальная фантастика о власти без героизма, цене рациональности и государстве, которое учится жить не благодаря безошибочному лидеру, а без необходимости в таком лидере.

Содержание

ЧАСТЬ I. ПРАВО НА ПОРЯДОК	4
01. Красный	4
02. Сорок два	17
03. Нет данных	32
04. Критерий	47
05. Один маршрут	61
0	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Симулятор Президента

ЧАСТЬ I. ПРАВО НА ПОРЯДОК

01. Красный

Состав появился до рассвета — сперва как дрожь в стекле.

Сергей Лукич положил ладонь на край стола. Под пальцами шевельнулась металлическая линейка, которой он прижимал схему путей. Потом за стеной диспетчерской протянуло низким гулом, и по сцепкам прошёл первый удар: близкий, тяжёлый, знакомый.

Он подошёл к окну.

Из тумана вышел локомотив. Пар стлался вдоль насыпи, цеплялся за фонарные столбы и на несколько секунд скрывал колёса. За тендером тянулись открытые вагоны с углём — чёрные насыпи под белой коркой снега. Состав шёл медленно: в горловине Узла Семнадцать ночью замёрзли два стрелочных перевода, и путевые рабочие всё ещё грели третий керосиновой горелкой.

На дальнем семафоре горел красный.

— Артём.

Ученик телеграфиста оторвался от окна. Ему было шестнадцать, но он уже научился делать вид, что ночная смена

для него обычна. Выдавали только руки: он то прятал их в рукава форменной куртки, то вытаскивал, боясь пропустить поручение.

— Восемьдесят четыре, Сергей Лукич.

— Считал по головам или по хвостам?

— По вагонам.

— Это обнадёживает. Ещё раз.

Артём прижался лбом к холодному стеклу и начал загибать пальцы на каждом десятом вагоне. Сергей Лукич взял ночную ведомость. В ней стояло то же число: восемьдесят четыре. Уголь с трёх северных разрезов, приём до пяти утра, разгрузка на городской ветке. Отдельной строкой — «приоритет отопительного контура».

Телеграфный аппарат застучал. Старший телеграфист протянул руку, но лента пошла рывками и зажевалась у ножа. Артём первым оказался рядом, освободил бумагу и прочитал вслух:

— Центральная диспетчерская подтверждает ожидаемый приём... сто двадцать шесть вагонов.

В комнате никто не переспросил. Сергей Лукич посмотрел на ведомость, затем на состав.

— Хвост видишь?

— Вижу. Восемьдесят четыре.

— Передай: фактически восемьдесят четыре. Просим свести сводку.

— Может, ещё один состав следом? — спросил Артём.

— Тогда у него будет свой номер.

Артём сел к ключу. Его пальцы застучали быстрее аппарата. Сергей Лукич вернулся к окну и проследил, как локомотив минует входную отметку. Колёса проходили стык за стыком. Машинист держал тормоз, ожидая, что красный сменится разрешающим.

Ответ из Центральной пришёл почти сразу: «По сводному балансу — 126. Проверить фактический состав».

Сергей Лукич перечитал ленту и поманил Артёма.

— Наденешь тулуп. Дойдёшь до хвоста и вернёшься вдоль состава. Номера каждого десятого — сюда. Последний — отдельно.

— Я уже считал.

— Теперь посчитаешь так, чтобы твоё число можно было приложить к делу.

Артём открыл рот, посмотрел на пустую строку для подписи и промолчал. Натянул тулуп поверх куртки, сунул за пазуху планшет и выбежал на платформу.

Снаружи звук состава стал огромным. Пар шипел у самой земли; тёплая вода из продувочного крана замерзала на шпалах мутным стеклом. Артём шёл вдоль вагонов и записывал номера. У сорокового его окликнул сцепщик, решив, что мальчишка ищет течь в тормозной магистрали. У семидеятого карандаш перестал писать, и пришлось отогреть его в кулаке. После восьмьдесят четвёртого был фонарь хвостового кондуктора, затем туман и пустой путь.

Никаких сорока двух вагонов там не пряталось.

Когда Артём вернулся, ресницы у него побелели. Он положил планшет перед Сергеем Лукичом.

— Восемьдесят четыре. Последний — триста одиннадцать, девятьсот восемь.

— Передай полностью.

— Все номера?

— Пусть у них будет столько бумаги, сколько у нас вагонов.

Для этого всё было готово. Северная ветка свободна. Разгрузочные бригады вызваны. Давление в котле локомотива держалось. Даже упрямая стрелка после ночного прогрева перевелась с первого раза.

Дверь распахнулась вместе с порывом холодного воздуха.

Молодой курьер в пальто Комитета городского снабжения положил на стол плотный конверт. Снег на его воротнике ещё не успел растаять.

— Немедленное исполнение. Весь состав — городу.

— Сначала конверт, — сказал Сергей Лукич.

Курьер отпустил его не сразу, словно бумагу можно было ускорить нажимом пальцев.

Сергей Лукич вскрыл сургуч ножом. Номер, регистрационная отметка, подпись, печать. Приказ ссылался на постановление о температурном минимуме: весь прибывший уголь направить в город, без выделения станционного резерва. В приложении перечислялись больницы, насосные и семь

котельных. Напротив северо-западной больницы стояло время — шесть часов до предельного давления.

Приказ был подлинным. И разумным.

— Кто подтвердил приём? — спросил он.

— Городской штаб. Разгрузка готова.

— Отзыв транспортного ограничения есть?

— При таком морозе снабжение выше ограничения.

— Я спросил про отзыв.

Курьер нахмурился.

— Нет.

Сергей Лукич задержал взгляд на приложении.

— Здесь шесть часов до предела. От какого замера?

— От полуночного.

— Сейчас почти пять.

— Поэтому я приехал не спорить о часах.

Голос курьера сорвался на последнем слове. Он поправил воротник, будто причина была в холоде, и добавил уже тише:

— В северо-западной больнице моя сестра дежурит в хирургии. Но приказ я принёс не из-за неё.

Сергей Лукич ничего не ответил. Он верил обеим частям фразы.

В коридоре ударила входная дверь. Второй курьер, старше первого, вошёл с угольной грязью на сапогах и эмблемой Транспортного чрезвычайного комитета на мокрой фуражке. Увидел знакомый сургуч, ничего не сказал и положил рядом свой конверт.

— Резервный приказ. Двадцать вагонов оставить Узлу. Сергей Лукич вскрыл и его.

Номер, подпись, печать, ссылка на положение о неприкосновенном запасе тяги. После трёх остановок грузового движения в прошлом месяце Узел Семнадцать не имел права уходить ниже двадцати вагонов. Без этого запаса завтра могли встать локомотивы, которые везли в город муку, медикаменты и следующую партию угля.

Второй приказ тоже был подлинным. И тоже разумным.

— Депо на линии, — сказал Сергей Лукич телефонистке.

Соединения ждали дольше. Деповский мастер ответил на фоне такого шума, будто говорил изнутри котла.

— Двадцать вагонов вам нужны физически или по норме?

— Норма и есть физически.

— Сколько локомотивов выйдет до полуночи?

— Одиннадцать по графику.

— По факту?

— Девять. Два в ремонте.

— Следующие угольные рейсы?

— Два задержаны. Третий в чужом управлении, никто не отвечает.

— Если оставлю десять?

В трубке загремело, мастер кому-то крикнул закрыть вентиль.

— Если оба задержанных придут, хватит. Если не придут

— к вечеру начнём снимать тягу с грузовых. К утру хлебный

маршрут пойдёт последним.

— То есть десять может хватить.

— Может. Приказ требует двадцать. Если хотите поменять приказ, я дам номер того, кто не берёт трубку.

Сергей Лукич записал расчёт на полях, хотя юридически он ничего не менял. Второй курьер смотрел на него без благодарности. Его работа заключалась не в том, чтобы выиграть спор, а в том, чтобы двадцать вагонов остались там, где за них отвечало его ведомство.

На улице машинист дал короткий гудок.

— Весь состав, — повторил первый курьер. — В больнице уже режут подачу пара.

— Двадцать остаются, — сказал второй. — Иначе утром не будет следующего состава.

— Если к утру замёрзнет хирургия, можете привезти ей хоть сто.

— Я не отвечаю за хирургию.

— Вот это слышно.

— Достаточно, — сказал Сергей Лукич.

Они замолчали, но не отступили от стола. Ни один не выглядел вором. Первый всю ночь собирал подтверждения от котельных. Второй приехал прямо из депо и пах не канцелярией, а дымом. Каждый защищал людей, которых другой не видел.

Сергей Лукич положил листы рядом. По первому следовало перевести стрелку на северную ветку. По второму —

сначала отцепить двадцать вагонов и подать их к резервному парку. Оба действия были физически возможны. Одновременно — нет.

— Десять оставим, семьдесят четыре отправим, — сказал Сергей Лукич. — До разъяснения.

Первый курьер покачал головой:

— У меня нет права принять меньше всего состава.

— У меня нет права принять меньше двадцати, — сказал второй.

— Я не спрашиваю, нравится ли вам десять. Я спрашиваю, поедут ли семьдесят четыре.

Оба промолчали. Если они согласятся, их подписи окажутся под решением, которого их комитеты не принимали. Сергей Лукич мог заставить стрелочников выполнить компромисс, но тогда выбор всё равно останется его — только хуже замаскированный.

— Центральную, — сказал он.

Телефонистка переставила два штекера на коммутаторе. В линии трещало. Потом голос, далёкий и раздражённо бодрый, ответил:

— Центральная диспетчерская.

— Узел Семнадцать. Два действующих распоряжения на состав семь-К. Городское снабжение требует весь груз. Транспортный комитет — двадцать вагонов в резерв. Назовите отменённое.

Он продиктовал номера.

Пока ждали, Артём принёс телеграфную копию первого приказа. Она пришла по резервной линии вместе с ответом о ста двадцати шести вагонах. Сергей Лукич положил копию поверх курьерского листа, сверил текст, подпись и регистрационный знак.

— Оба распоряжения подтверждены, — вернулся голос.

— Какое исполнять?

— Исполняйте действующее.

— Они оба действующие.

На другом конце прикрыли микрофон ладонью. Сергей Лукич слышал глухие голоса и шелест бумаг. Кто-то назвал управление, кто-то потребовал соединить с дежурным Директории. Время шло. Состав дышал паром за окном и понемногу сжигал тот же уголь, из-за которого его остановили.

— Ожидайте разъяснения, — наконец сказали в трубке.

— Сколько?

— Ожидайте.

Связь оборвалась.

Сергей Лукич положил трубку и заметил, что Артём всё ещё держит телеграфную копию.

— Что там?

— Время регистрации.

На курьерском оригинале было отпечатано: 04:12:17. На копии с тем же номером — 04:13:04.

— Сорок семь секунд, — сказал Артём.

— Часы на линиях не сверили.

— Железнодорожные сверяют каждый час.

— Значит, на одной линии сверили плохо.

Сергей Лукич забрал у него бумагу. Расхождение было странным, но не тем странным, которое позволено расследовать, пока перед входной стрелкой стоит восемьдесят четыре вагона.

Артём вернулся к окну.

— Центральная пишет, что их сто двадцать шесть. Может, мы потеряли сорок два до хвоста?

Первый курьер усмехнулся, но сразу перестал: шутка получилась слишком близкой к правде.

— У нас не пропадают сорок два вагона, — сказал Сергей Лукич. — Один ещё можно спрятать за мастерской. Сорок два займут полстанции.

Он открыл журнал стрелок. В нём были графы для времени, пути, номера состава, основания и фамилии ответственного. Графы «два приказа» не было. Графы «пусть решит кто-нибудь выше» тоже.

Можно было отправить весь груз городу. Тогда, если завтра остановится тяга, расследование найдёт транспортный приказ и его подпись.

Можно было удержать двадцать вагонов. Если в больнице погаснут котлы, найдут приказ снабжения и ту же подпись.

Можно было не делать ничего. Цена от этого не исчезала; она только начинала расти сразу в двух местах.

Сергей Лукич знал это. Двадцать три года на железной до-

роге не позволяли путать неподвижность с отсутствием решения.

Когда он только стал дежурным, ему нравились рассказы о начальниках, которые рвали инструкцию и спасали положение. Потом случился пожар в ремонтном депо. Один мастер нарушил порядок и вывел людей через грузовые ворота; другой нарушил его же и подал на путь цистерну с водой. Оба решения были разумны, пока цистерна не перекрыла ворота. После похорон три комиссии спорили, кто из двух проявил инициативу, а кто создал ловушку. Ответ менялся вместе с тем, чей отчёт лежал сверху.

Сергей Лукич с тех пор не считал инструкцию священной. Он просто знал, какую услугу она оказывает человеку после события: не позволяет победителю переписать вчерашний выбор как очевидный. Сегодня такой защиты не было. Любой маршрут станет правильным только в той версии будущего, где его цена окажется меньше.

Но если начальник узла сам выберет, какой из двух законов настоящий, завтра то же право возьмёт начальник склада, послезавтра — командир охраны. У каждого найдётся здравый смысл и человек, которого надо спасти. Государство распадётся не от отказа подчиняться, а от тысячи добросовестных исключений.

Он взял ручку.

— Записывай, — сказал Артёму. — Состав удержан до единого распоряжения. Основание — невозможность одно-

временного исполнения двух подтверждённых приказов. Решение моё. Время поставь стационарное.

Первый курьер шагнул ближе.

— Сергей Лукич, вы же понимаете, что подписываете?

— Да.

— Тогда переведите стрелку.

— Принесите отмену второго приказа.

Второй курьер сказал:

— Или первого.

Они впервые посмотрели друг на друга не как враги, а как люди, попавшие под один и тот же потолок.

Сергей Лукич подписал строку. Не спрятавшись за формулировкой, не оставил место пустым. Потом поднял руку сигнальщику.

— Оставить красный.

Снаружи машинист дал тормоз. По составу прошла волна — сцепка за сцепкой, от локомотива в туман. Металл ударял о металл, пока последний вагон не замер перед свободной стрелкой.

Через четыре минуты наружный пост сообщил о следующем грузовом. Восемнадцать вагонов муки и ржаного зерна шли тем же подходом. Их пришлось остановить на блокучастке в трёх километрах от Узла. Ещё через семь минут диспетчер попросил разрешения перевести санитарный вагон на обходной путь; обход добавлял сорок минут и требовал маневрового локомотива.

Сергей Лукич разрешил обход и записал расход тяги рядом со своей подписью.

Красный уже стоил городу не только угля.

К рассвету диспетчерская наполнилась лентами. Город требовал время прибытия. Депо — подтверждение резерва. Центральная снова спрашивала, куда делись сорок два вагона. Артём отвечал по очереди, выводя буквы аккуратнее, чем обычно.

За стеклом пар оседал на рельсах белой крупой. Рабочие закончили прогрев стрелок. Машинист был на месте. Курьеры не лгали. Сергей Лукич не ушёл от подписи.

Красный продолжал гореть.

Рельсы впереди были свободны. Сергей Лукич заметил: Артём смотрит уже не на огонь, а на них.

02. Сорок два

— Сорок два.

Варвара Наумовна сказала это манометру, а не Кире.

Стрелка дрожала над красной чертой больничного парового контура. Вдоль стены шли две толстые трубы, обмотанные серой тканью; на стыке выступала влага и тут же схватывалась белой коркой. Пахло карболкой, мокрой шерстью и железом.

Кира сняла шляпу, стряхнула снег с коротких волос и перехватила рабочую сумку, тянувшую левое плечо вниз. Блокнот она уже держала открытым.

— Это много или мало? — спросила Кира.

— Это сейчас.

Врач сняла с крючка халат и пошла по коридору. Кира двинулась рядом, стараясь не задевать каталку. Под двумя одеялами лежал мужчина с серым лицом. Его дочь — взрослая, в дешёвой шляпе — держала у него под одеялом кирпич, обёрнутый полотенцем.

— Кирпич из кухни, — сказала она, поймав взгляд Кире. — Не пишите, что больница не дала грелку. Грелки есть. Вода холодная.

— Как его зовут?

— Пётр Исаевич. А меня — Нина. Только ему газету не показывайте. Он решит, что опять во всём виноват министр,

и начнёт вставать.

Пётр Исаевич приоткрыл глаза.

— Министр тут ни при чём, — прошептал он. — Начальник станции. Всегда начальник станции.

Нина поправила одеяло.

— Видите?

Кира записала имена, но не реплику. Она слишком хорошо ложилась в будущую статью.

— Ниже сорока закрываем западный корпус, — сказала Варвара Наумовна. — Ниже тридцати восьми оставляем пар только операционным и воде. Если вода уйдёт раньше, чем отопление, стерилизация закончится.

— Через сколько?

— Если хотите хорошее число, спросите в Комитете снабжения. У них числа не дрожат.

Кира открыла блокнот. Чернила на перо остыли и ложились неровно.

— Мне сказали, угольный состав пришёл до рассвета.

— Мне тоже.

— И стоит на Узле Семнадцать.

— Тоже слышала.

— Потому что два ведомства спорят.

Варвара Наумовна остановилась у двери послеоперационной.

— Нет. Они оба делают свою работу. Поэтому поезд и стоит.

Из палаты позвали врача. Она вошла, не закончив разговор. Кира осталась в коридоре с раскрытым блокнотом.

Заголовок уже складывался сам: «ПОКА ЧИНОВНИКИ СПОРЯТ, БОЛЬНИЦА МЁРЗНЕТ».

Он был правдивым. В двух шагах санитарка снимала с батареи едва тёплую пелёнку. У наружной стены медсёстры сдвигали кровати ближе друг к другу. Кочегар в подвальном проёме нёс деревянный ящик, хотя такие ящики запрещалось жечь в больничном котле.

И всё же в заголовке уже было удобное место для виновного. Кира его ещё не нашла.

Она любила первую полосу и не делала вид, что работает ради одной только истины. Ей нравился момент, когда шум города сводился к строке, которую люди повторяют утром. Но хороший заголовок был дверью: за ним обязан находиться тот же дом. Здесь пока были только холод, состав и два человека с настоящими печатями.

— Ящики не трогать! — крикнула Варвара Наумовна из палаты.

Кочегар поставил ящик на пол.

— До скольких?

— До тридцати восьми.

— А на тридцати семи?

— На тридцати семи я сама принесу спички.

Кочегар перестал улыбаться.

Варвара Наумовна распорядилась закрыть прачечную.

Старшая сестра возразила: к вечеру не останется чистых простыней. Врач ответила, что к вечеру может не остаться горячей воды для инструментов. Ни одна не повысила голоса. Они обменялись ключами от вентилей и разошлись в разные стороны, каждая унося половину решения, за которое потом можно будет обвинить другую.

Кира проводила их взглядом. Здесь та же задача, которая остановила состав, решалась на месте — без печатей и права на безопасную ошибку. Если Варвара Наумовна угадает, никто не заметит. Если нет, фамилия врача останется в истории болезни.

Кира перечеркнула заголовок. Не из осторожности перед комитетами. Из злости: текст слишком быстро позволил ей почувствовать себя правой.

Варвара Наумовна вернулась и протянула телеграфную ленту.

— Вот что прислали городу ночью.

В ленте значилось: «Поставка подтверждена. Ожидаемый приём — 126 вагонов. Маршрут семь-К».

— На станции восемьдесят четыре, — сказала Кира.

— Значит, ещё сорок два лечат нас на бумаге.

В конце коридора щёлкнул клапан. Стрелка манометра качнулась ниже.

Кира записала два числа одно под другим: 126 и 84. Между ними провела черту.

Сорок два.

На этот раз число не означало давление.

* * *

До Комитета снабжения Кира дошла пешком. Трамваи ходили, но интервалы растянулись: депо сэкономило топливо, и на остановках люди сбивались в плотные группы. У булочной дверь открывали ровно настолько, чтобы выпустить одного покупателя и впустить следующего. Над тремя кварталами поднимался дым, над четвёртым трубы стояли чистыми.

У коммунальной котельной мужчины и женщины ждали с жестяными вёдрами. Отдавали шлак — иногда в нём оставались куски несгоревшего угля. Кира спросила женщину в мужском пальто, давно ли холодно дома.

— Дома зима, — ответила та. — Вы лучше узнайте, почему в управлении окна открыты.

Кира посмотрела на верхний этаж здания напротив. Одно окно действительно было приоткрыто: из него валил пар. Она записала адрес, но не стала делать из окна доказательство. Возможно, там прорвало трубу. Возможно, чиновникам было жарко. Обе версии одинаково хорошо продавали злость и одинаково мало объясняли состав.

В Комитете городского снабжения было теплее, чем в больнице, но служащие сидели в пальто. Радиаторы не грели; воздух держали две керосиновые печи, и от них болела голова.

Киру заставили ждать сорок минут. За это время она успе-

ла поговорить с курьером, который вернулся с Узла, с машинисткой и с пожилым счетоводом, стоявшим в очереди к заместителю председателя.

Все трое хотели обвинить транспортников.

Курьер сообщил про второй приказ. Машинистка — про молчащую Центральную. Счетовод сказал, что железная дорога всегда прячет запас в нормативах. Никто не знал, откуда в сводке взялись сто двадцать шесть вагонов.

Заместитель председателя принял Киру между двумя звонками. На столе перед ним лежала раскрытая карта котельных, прижатая пустым чайником.

— Вы можете написать, что Комитет выполнил все обязательства, — сказал он. — Груз прибыл. Передачу блокирует транспорт.

— Сколько прибыло?

— Согласно сводному балансу — сто двадцать шесть вагонов.

— Согласно станции — восемьдесят четыре.

Он снял пенсне, протёр стёкла и надел снова. Цифры от этого не изменились.

— На Узле мог быть неполный приём.

— Они прислали номера каждого десятого вагона и хвостового. Покажите ваш баланс.

— Это внутренний документ.

— Тогда я напишу, что вы требуете отдать городу состав, размер которого сами не можете подтвердить.

— Вы всё равно это напишете.

— Возможно. Но без вашей фамилии под числом.

Он посмотрел на дверь, за которой ждали люди с папками. Отказывать прессе было безопаснее, чем открывать сводку. Позволить транспорту единолично определить версию событий — опаснее.

— Пять минут, — сказал он. — Переписывать можно. Выносить нельзя.

Сводный баланс занимал три страницы. Кира начала с номера маршрута. Семь-К. Физический приём на подходе — восемьдесят четыре. Ниже отдельной строкой: «обеспеченный залоговый резерв — сорок два». В итоговой графе эти числа складывались.

— Где находится залоговый резерв?

Заместитель председателя заглянул в документ так, будто видел строку впервые.

— В распоряжении Клиринговой палаты.

— На каком складе?

— Это финансовая категория.

— Уголь финансовой категории горит?

— Не передёргивайте. Залог обеспечивает поставку.

— Эту?

Он не ответил.

Кира переписала шифр приложения: ЗК-4/14. Напротив стояла помета «ограниченный доступ». Слово «зерновой» было зачёркнуто, но проступало через тонкую бумагу.

— Вы кредитуете зерно углём?

— Комитет не ведёт кредитные операции.

— Но считает их вагонами.

— Спросите палату.

— Спрошу.

Он потянул документ к себе.

— И напишите, что без этого механизма город не купил бы зерно осенью.

— Объясните механизм.

Он снова посмотрел на очередь за дверью. Потом заговорил уже без официального тона:

— Осенью зерновые округа не принимали наши расчётные знаки. Им нужны были металл, топливо или внешняя валюта. Валюты не было. Палата отметила часть зимнего угля как обеспечение, и банки открыли кредит. Зерно приехало. Если сейчас назвать залог пустым, следующий кредит не откроют.

— А если назвать его углём, которого нет отдельно, больница получит тепло только в отчёте.

— Я не говорил, что расчёт правильный.

— Вы подписали итог.

— Потому что без итога город не получил бы ни угля, ни зерна.

Он произнёс это устало, без попытки победить. Кира поняла, что готовый заголовок потерял ещё одного удобного злодея.

Кира закрыла блокнот.

— Если это правда, напишу.

* * *

Клиринговая палата занимала нижний этаж бывшего биржевого дома. У входа стоял вооружённый охранник, но внутри царила не торжественность банка, а теснота архива: корзины с копиями, запах пыли, чернильные валики, звон пневматических капсул в металлических трубах.

Перед регистрационным окном спорили трое торговцев мукой. Один требовал снять блокировку с партии, второй — вернуть вексель, третий молчал и держал в руках мешочек с образцом зерна. Когда регистратор сказал, что без угольного обеспечения их осенние сделки были бы недействительны, молчавший поднял мешочек:

— Недействительны? Это хлеб. Его уже съели.

— Поэтому обеспечение и нельзя просто стереть, — ответил регистратор.

Кира запомнила его тон. Он защищал не тайную кассу, а правило, которое позволило прошлой поставке состояться и теперь мешало нынешней.

Киру не пустили к счетам. Зато регистратор согласился подтвердить существование приложения ЗК-4/14 — после того как она положила рядом ответ Комитета снабжения, где палата уже была названа владельцем сорока двух вагонов.

— Владелец мы не являемся, — сказал он. — Мы подтверждаем обеспечение.

— Чем обеспечено?

— Партией угля.

— Какой?

— В приложении.

— Покажите индекс.

— Ограниченный доступ.

— Тогда подтвердите номер партии вслух.

Регистратор долго изучал её удостоверение, хотя фамилия там не менялась. Потом снял с полки узкий журнал и положил так, чтобы Кира видела только одну строку.

Партия семь-К. Сорок два вагона. Переведено на залоговый счёт в обеспечение зернового кредита.

Кира не сразу записала. Семь-К был тем самым составом, который физически состоял из восьмидесяти четырёх вагонов.

— Когда вагоны отделили?

— Здесь не сказано, что отделили.

— Тогда где они?

— В залоге.

— Я спрашиваю про рельсы.

— Я отвечаю про счёт.

Они несколько секунд смотрели друг на друга. Регистратор не был идиотом и не пытался её обмануть. Его работа кончалась в той точке, где бумажная стоимость получала печать. За колёса отвечал кто-то другой.

— Мне нужна копия строки.

— Нет.

— Регистрационное время назовёте?

Он прочитал отметку: 03:18:47.

В журнале передачи рядом стояло другое время — 03:18:00. Капсула с оригиналом, по словам регистратора, пришла в палату в 03:24. Ни одно из трёх времён не объясняло, когда именно уголь успел стать залогом.

— Часы расходятся? — спросила Кира.

— На сорок семь секунд. Старый ретранслятор. Техник уже записал.

Он произнёс это с облегчением человека, у которого для странности нашлась ремонтная заявка.

Кира переписала времена. Рядом поставила вопросительный знак, но не обвела его.

* * *

В транспортном комитете ей охотно показали свою копию накладной. Там все восемьдесят четыре вагона продолжали числиться в пути. Никакого отцепления, переадресации или передачи залога железная дорога не регистрировала.

— Значит, палата врёт? — спросил дежурный чиновник.

— Пока значит только, что вы считаете один и тот же груз по-разному.

— Напишите, что у них бумажные вагоны.

— Вы уже так написали в жалобе?

Он поджал губы. Жалоба лежала под его локтем.

Кира попросила номер машиниста, время формирования

состава и весовую ведомость. Чиновник дал всё, что могло доказать правоту транспорта, и отказал во всём, что касалось резерва. Его жалоба осталась лежать под локтем; из неё Кира успела переписать ещё два регистрационных номера.

Она дозвонилась до Узла Семнадцать. Начальник был на линии, поэтому ответил ученик.

— Артём, — представился он слишком отчётливо. — Телеграфный ученик. Говорить по служебному вопросу могу после разрешения.

— Тогда только посчитай. В партии семь-К есть сорок два вагона с отдельными пломбами?

— Пломбы разные по разрезам. Сорок два отдельно не стоят.

— Их могли отцепить до Узла?

— Не знаю. Но я прошёл от головы до хвоста. Восемьдесят четыре.

— В Центральной уверены в ста двадцати шести.

Артём помолчал.

— Они уже спрашивали. Если найдёте остальные, скажите, где поставить. У нас шестой путь свободен.

Это было сказано без шутки. Кира впервые за утро улыбнулась и сразу почувствовала себя виноватой: в больнице стрелка шла вниз.

К полудню у Киры было две подлинные копии.

В одной сорок два вагона из партии семь-К находились на залоговом счёте.

В другой та же партия целиком оставалась в пути.

Если сложить документы, город получал сто двадцать шесть вагонов. Если выйти на рельсы, там стояло восемьдесят четыре.

В редакции наборщик уже ждал её текст. Кира села за свободный стол, открыла блокнот и снова написала старый заголовок: «ПОКА ЧИНОВНИКИ СПОРЯТ, БОЛЬНИЦА МЁРЗНЕТ».

Под ним поместились бы холодный коридор, красный манометр, два комитета и простой вывод. Газета вышла бы через три часа. Читатели получили бы виновного раньше, чем тепло.

Редактор появился у неё за спиной, прочитал через плечо и постучал костяшкой по слову «мёрзнет».

— Это мы можем доказать?

— Да.

— Тогда что ты тянешь?

Кира показала ему два номера партии.

— Если мы ударим только по комитетам, палата закроет счета и назовёт нас причиной срыва зернового кредита. Если ударим по палате, транспорт скажет, что сорок два вагона украдены. Я пока не знаю, были ли они когда-нибудь отдельными вагонами.

— А больница знает, были они отдельными?

— Больнице всё равно.

— Читателю тоже.

— До тех пор, пока завтра не исчезнет хлеб.

Редактор посмотрел на часы. Полоса должна была уйти в набор через двадцать семь минут.

— Один час, — сказал он. — Значит, сегодняшний выпуск без первой полосы. Если ничего не найдёшь, завтра мы опоздаем с правдой на сутки.

— Знаю.

— Нет. Пока только записала.

Он ушёл, оставив ей право ошибиться самой.

Кира вырвала лист.

Бумага порвалась неровно; край зацепил свежую строку. Она заметила открытую чернильницу, закрыла её и сразу снова открыла. До следующего выпуска конкурентная «Утренняя почта» успевала получить те же документы. Если их корреспондент напечатает простую версию первым, завтрашний точный текст будет выглядеть оправданием власти. Кира знала цену задержки и всё равно оставила полосу пустой.

— Опять? — спросил наборщик.

— Дай мне час.

— Через час полоса уйдёт без тебя.

— Тогда без меня.

Она положила рядом два номера одной партии и чистым пером написала вопрос, который нельзя было согреть правильным заголовком:

«ГДЕ СУЩЕСТВУЮТ СОРОК ДВА ВАГОНА?»

Из больницы пришла новая лента. Давление упало до тридцати девяти.

Кира поставила время под вопросом и пошла искать человека, который умел считать не только бумагу.

03. Нет данных

К полудню девять человек успели назвать Дмитрию девять цифр.

Все относились к углю. Ни одна — к одному и тому же.

В бывшем зале Комиссии по речным тарифам говорили одновременно. Представитель городского снабжения требовал восемьдесят четыре вагона. Железная дорога оставляла за собой двадцать. Финансовый инспектор утверждал, что свободного груза нет вовсе: сорок два вагона обременены залогом, остальные уже распределены. На доске мелом стояло 126 — число из центрального баланса. Под ним кто-то написал 84 — число на рельсах.

Городской комитет называл общий запас в тридцать одну тысячу тонн. Управление котельных — двадцать семь тысяч. Депо прислало норматив в двадцать вагонов и новый расчёт в десять. Больница передала не массу, а давление: тридцать девять и две десятых.

Девятая цифра была нулём. Её поставил бухгалтер напротив графы «доступно к немедленному распоряжению».

Если принять любую из девяти за ответ, остальные превращались в ложь. Но люди, принёсшие их, не лгали. Они измеряли разное: массу на складе, юридическое право, суточную потребность, норматив, давление в трубе, чужое обещание. Сводная таблица снимала названия колонок и делала

вид, что всё это можно сложить.

Дмитрий снял пальто, повесил на спинку стула и остался стоять. Радиаторы в зале были холодными. На стене всё ещё висела карта речных пошлин: синие линии уходили к портам, которые не имели отношения к составу, но столы уже были завалены телеграфными лентами, накладными и банковскими копиями.

В тёмном гражданском костюме он выглядел суше большинства людей за столом и заметнее не одеждой, а неподвижностью. Пока представители ведомств перекладывали папки и менялись местами, Дмитрий держал руки свободными и следил, какой документ каждый уносит с собой.

— Ещё раз, — сказал он. — Кто видел уголь?

Представитель снабжения поднял папку.

— У нас полная городская сводка.

— Я спросил не про папку.

— Начальник Узла подтвердил восемьдесят четыре вагона, — сказал железнодорожник.

— Кто считал?

Секретарь штаба нашёл ленту.

— Ученик телеграфиста. Потом дежурный составитель подтвердил по весовой ведомости.

— Хорошо. Восемьдесят четыре — физический остаток. Пока единственный.

— Остаток чего? — спросил финансовый инспектор. — Груз находится под обязательством.

— У обязательства есть оси?

— У обязательства есть владелец.

— Тогда запишем отдельно.

Дмитрий перевернул доску чистой стороной. Наверху написал четыре слова: «НА РЕЛЬСАХ», «ОБЕЩАНО», «ЗАЛОГ», «КТО ОТВЕЧАЕТ».

Белый прямоугольник успокаивал его сильнее, чем следовало. Пока категории были смешаны, спор принадлежал людям, должностям и прошлым обидам. Стоило развести их мелом — и возникала поверхность, на которой можно было проверить ошибку. Дмитрий почувствовал знакомое облегчение и тут же отметил его как опасность. Доска не мёрзла, не боялась расследования и не просыпалась после операции. Она лишь позволяла не лгать о том, что известно.

— Вы здесь в каком качестве? — спросил снабженец.

— По договору Директории. Аудит конфликтов снабжения.

— Полномочия?

— Получать документы и задавать неприятные вопросы. Подписывать маршруты не могу.

— Тогда мы теряем время.

— Да. Вы начали до моего прихода.

Кто-то коротко рассмеялся у двери. Дмитрий посмотрел туда. Алексей стоял с двумя стаканами чая и папкой под мышкой. На одном рукаве пальто растаял снег, верхняя пуговица была застёгнута не в ту петлю.

— Я принёс тебе напиток, который в этом здании считают чаем, — сказал он. — И подтверждение, что тебя наняли задавать вопросы, а не нравиться.

Он поставил один стакан на край стола. Дмитрий взял папку, чай оставил.

— И пирожок, — добавил Алексей, доставая из кармана бумажный свёрток. — Капуста. Вероятно.

— У тебя в кармане лежит государственная печать.

— В другом. Я ещё различаю последствия.

Дмитрий развернул свёрток, понюхал и отложил рядом с чаем.

— Лук сгорел.

— Значит, капуста существовала хотя бы в плане.

Никто в комнате не счёл реплику важной. Алексей забрал нетронутый пирожок себе.

Два года государственные учреждения не приглашали его после проверки Западного водного контура. Тогда он отказался списать остановку насосов на мороз и приложил к отчёту фамилии людей, месяцами подписывавших фиктивный ремонт. Директория не любила его выводы. Сейчас ей понадобился человек, которому ни одно ведомство не доверяло достаточно, чтобы считать своим.

— Где Кира? — спросил Алексей вполголоса.

— Кто?

— Женщина, из-за которой через час у каждого здесь будет своя версия сорока двух вагонов.

Дверь открылась.

— Уже есть, — сказала Кира.

Она прошла к столу, положила рядом две выписки и не стала представляться. Одна была из Клиринговой палаты, другая — из транспортного журнала.

— Партия семь-К. Восемьдесят четыре вагона в пути. Те же документы дают сорока двум статус залогового резерва. В сводке категории сложили.

Финансовый инспектор взял выписку двумя пальцами.

— Это журналистская копия.

— Номера проверяемые.

— Доступ ограничен.

— Значит, проверите быстрее.

Дмитрий прочитал обе строки. Один номер партии, разные владельцы состояния. Если сорок два вагона были отделены и поставлены на залоговый склад, арифметика сходилась: сто двадцать шесть плановых, сорок два сняты по дороге, восемьдесят четыре пришли на Узел. Центральный баланс мог просто получить старую транспортную цифру и новую финансовую.

— Где состав формировали? — спросил он.

Железнодорожник назвал Северный сортировочный двор.

— Запросите первоначальный лист натуры, проходные отметки и вес после каждого узла. Ищем место, где отцепили сорок два.

Кира посмотрела на него.

— Вы решили, что они существовали отдельно?

— Пока это версия с минимальным числом ошибок.

— Удобная.

— У вас есть другая?

— У меня есть вопрос.

— Он на доске.

Дмитрий написал под «НА РЕЛЬСАХ»: 126 → минус 42
→ 84.

Кира обошла стол и остановилась напротив него.

— Вы всегда начинаете с версии, которую удобнее проверить?

— С той, которую можно опровергнуть раньше, чем она станет приказом.

— А если люди в комнате уже хотят, чтобы она стала приказом?

Дмитрий посмотрел на снабженца, железнодорожника и финансового инспектора. Каждый действительно успел приспособить его схему к собственной защите.

— Тогда проверять надо быстрее.

Она записала ответ не дословно. Дословно он звучал бы слишком хорошо.

В комнате впервые стало тише. Людям нравилась цепочка, в которой у пропажи имелась точка на маршруте. Транспорт мог искать нарушителя. Палата — законный перевод. Снабжение — вернуть груз. Даже Кира перестала спорить и

начала сверять номера.

Версия прожила одиннадцать минут.

Телеграфный аппарат выбил короткую ленту с Узла. Секретарь прочитал и протянул Дмитрию.

«Состав семь-К сформирован восемьдесят четыре вагона. Локомотив серии Т-8. На Северном подъёме предел при температуре ниже минус двадцати — девяносто шесть гружёных вагонов без толкача. Сто двадцать шесть невозможны. Толкач не назначался. Составитель Андрей Седов».

Дмитрий прочитал второй раз.

— Седов двадцать лет формирует северные составы, — сказал железнодорожник. — Если он пишет «невозможно», спорить лучше с подъёмом.

Телефон на краю стола зазвонил. Секретарь снял трубку и передал Дмитрию.

— Узел Семнадцать. Составитель на линии.

Голос Андрея Седова был хриплым и злым, как будто его вытащили из-под вагона.

— Вы там ищите, где мы отцепили сорок два?

— Искали.

— Тогда сначала найдите локомотив, который поднял бы сто двадцать шесть. На Т-восьмом они бы до первого перевала не дошли. У нас лист натуры на восемьдесят четыре от головы. Пломбы поставлены там же.

— Центральная сводка ожидала сто двадцать шесть.

— Центральная может ожидать дирижабль на каждой

платформе. Рельсам всё равно.

У железнодорожника дрогнул угол рта.

Дмитрий стёр стрелку «126 → минус 42 → 84».

— Проверил. Вы правы. Версию отцепления снимаем.

Седов помолчал; он явно готовился к спору и не сразу понял, что спор закончился.

— Тогда зачем звонили?

— Чтобы вы отвечали за то, что видели. Спасибо.

Дмитрий положил трубку.

Кира закрыла блокнот ладонью.

— Быстро.

— Что?

— Вы ошиблись без совещания.

— Исправился тоже без него.

— Это я и записала.

* * *

Дмитрий провёл новую черту на доске.

Под «НА РЕЛЬСАХ» осталось 84.

Под «ЗАЛОГ» он написал 42 и обвёл не число, а номер партии.

Под «ОБЕЩАНО» — 126, затем перечеркнул единицу измерения «вагонов» и заменил её словом «позиций».

Финансовый инспектор возразил:

— Залоговый резерв выражен в товарном эквиваленте.

— Но сводка использовала его как отдельный товар.

— Сводка не платёжный документ.

— Она стала основанием приказа снабжения.

— Приказ нужен городу независимо от формы счёта.

— Верно. Поэтому сейчас я не расследую кредит. Я отделию то, что можно отправить, от того, что можно предъявить банку.

Снабженец подошёл к доске.

— Нам всё равно нужны восемьдесят четыре.

— А депо требует двадцать, — сказал железнодорожник.

— Фактически сколько нужно депо до полуночи? — спросил Дмитрий.

— Десять при текущем движении. Четырнадцать, если придут оба задержанных рейса. Семнадцать, если третье управление восстановит свой график.

— Вероятность третьего?

— Нет данных.

— Время до нижнего предела больницы?

Секретарь нашёл ленту.

— При текущем расходе — два часа двадцать минут. Но они перебрасывают пар между корпусами.

— Значит, изменится.

— Нет данных, — повторил снабженец, уже без насмешки.

Дмитрий записал это под обеими колонками.

Пришла ещё одна лента из больницы. Варвара Наумовна сообщала не только давление. Западный корпус закрыт; двадцать семь пациентов переведены; прачечная остановлена;

один котёл держится на внутреннем запасе, не вошедшем в городскую сводку. Под сообщением стояла фамилия кочегара, который смотрел в бункер.

— Добавьте запас прачечной к городскому остатку, — сказал представитель снабжения.

Дмитрий покачал головой.

— Сначала вычтите из него больничное решение. Они уже потратили часть запаса, чтобы купить нам время.

— Для города это несколько тонн.

— Для этой комнаты — два часа. Не смешивайте единицы снова.

Снабженец открыл рот и закрыл. Потом сам перенёс ленту из общей стопки к физическим замерам.

Пустые места на доске перестали быть позором отдельных ведомств. Они стали общей картой того, что нельзя было обещать.

Алексей тем временем листал старый сборник постановлений. Он не участвовал в споре, только иногда спрашивал у секретаря дату создания комитета или точное название должности. Когда остальные начали повторять прежние аргументы, он вытащил из папки тонкий лист с пожелтевшим краем.

— Нашёл не полномочие, а щель, — сказал он.

— Разница? — спросила Кира.

— Полномочие остаётся у человека. Щель закроется за ним.

Он положил постановление перед Дмитрием. После весеннего наводнения десять лет назад Директория предусмотрела «разового согласователя исполнения» на случай, если два действующих распоряжения нельзя выполнить одновременно, а задержка угрожает нескольким основным контурам. Согласователь мог выдать один маршрутный акт. Его право прекращалось после подтверждения доставки.

Цена была напечатана мелким шрифтом на обороте: оба исходных приказа, фамилии подписавших и обоснование выбора в течение суток передавались в Основное собрание. Согласователь отвечал лично за ущерб от маршрута. Скрыть столкновение ведомств после применения статьи уже не получалось.

— Прекрасно, — сказал снабженец. — Назначайте.

— Директория должна назвать человека и предмет решения, — ответил Алексей. — И финансовая контрассигнация всё равно нужна, если акт затрагивает залог.

— Пока вы соберёте подписи, больница остынет.

— Поэтому я уже отправил проект.

Дмитрий посмотрел на него.

— Когда?

— Когда ты спросил, кто видел уголь.

— А если бы я оказался бесполезен?

— Тогда документ подтвердил бы это быстрее, чем ещё одно заседание.

Улыбка у Алексея была тёплой, но папку с ответом он дер-

жал слишком крепко.

Кира спросила:

— Почему разовая подпись? Если конфликт повторится завтра, снова остановим состав?

Алексей повернулся к ней.

— Потому что постоянный согласователь сможет отменять любое ведомство под видом срочности. Сегодня все боятся холода. Завтра они будут бояться его.

— А послезавтра назначат президентом?

— Послезавтра у нас пока нет данных.

Дмитрий наконец взял чай. Тот давно остыл.

* * *

Ответ Директории пришёл по защищённой линии и следом — в пневматической капсуле. Текст занимал один абзац: инфраструктурному аудитору Дмитрию Евгеньевичу предоставлялось право подготовить и подписать один маршрутный акт по составу семь-К. Право прекращалось с подтверждением первого движения вагона по утверждённому маршруту. Ни одного нового назначения. Ни одного постоянного штаба.

До того как вскрыли капсулу, председатель правового блока потребовал Дмитрия к телефону.

— Вы получаете один акт, — сказал он без приветствия.

— Не должность. Не право вызывать министров. Не право менять порядок казны.

— Понял.

— Если этот состав поедет, завтра каждое ведомство требует постоянного координатора.

— Возможно.

— Ответ неверный. Завтра его не будет.

— Тогда следующий состав снова остановится.

На другом конце линии стало тихо.

— Именно поэтому я звоню вам, — сказал председатель. — Сделайте так, чтобы сегодня поехал этот. Политику оставьте людям, которых можно снять голосованием.

— А меня?

— Вас можно не нанять второй раз.

Связь прервалась. Алексей, слышавший только половину разговора, аккуратно застегнул наконец верхнюю пуговицу на правильную петлю.

Подпись председателя стояла рядом с контрастсигнацией казны и отметкой военного регистратора о подлинности.

— Они поставили три подписи за девятнадцать минут, — сказал секретарь.

— Потому что каждая заканчивается раньше следующего состава, — ответил Алексей.

Кира разложила перед Дмитрием свои выписки.

— Есть ещё время.

Она показала отметки палаты: 03:18:00, 03:18:47 и прибытие капсулы в 03:24.

Дмитрий попросил входящие копии с Узла. Секретарь нашёл их в первой утренней стопке: курьерский оригинал го-

родского приказа и телеграфное подтверждение с тем же регистрационным номером. 04:12:17. 04:13:04.

Он положил две пары рядом.

— Снова сорок семь, — сказала Кира.

Дмитрий перестал слышать комнату целиком.

Шум телеграфов сузился до сухих ударов одного реле. Свет в лампах не изменился, но на мгновение показался слишком белым. Пальцы сами нашли край стола. Он знал такой рисунок: не медленный уход часов и не ошибка переписчика. Две независимые линии получали общий синхронизирующий импульс, а в журналах возникал один и тот же лишний интервал.

Он не знал причины. Знал только, какие объяснения не подходили.

— Какие часы? — спросил он слишком быстро. — Марка регулятора? Какой ретранслятор? Кто менял лампы? Журнал ремонта за неделю есть? Линия общая с Северным двором?

Кира подняла брови.

— Техник записал старый ретранслятор.

— Это не ответ.

— Я и не сказала, что ответ.

Дмитрий отпустил край стола. На коже осталась белая полоса. Он взял карандаш другой рукой и записал времена внизу доски, будто они относились только к проверке документа.

Алексей придвинул к нему холодный чай.

— Дима.

Одного имени хватило. В публичной комнате Алексей не называл его так случайно.

— Потом, — сказал Дмитрий.

— Разумеется.

Алексей больше ничего не спросил. Кира уже вернулась к накладным и не увидела, как он переставил свой стул ближе.

На Узле Семнадцать состав стоял восьмой час. Больница передала давление — тридцать восемь и семь. Депо сообщило о первом задержанном рейсе. Два законных приказа оставались законными.

Теперь у Дмитрия было право подписать одно движение.

Он положил перед собой чистый маршрутный акт. Вписал номер состава, восемьдесят четыре физических вагона, срок действия разовой подписи и фамилии тех, кто подтвердил данные.

Графу «основание распределения» оставил пустой.

04. Критерий

В маршрутном акте оставалась одна пустая графа.

Дмитрий мог вписать туда номер городского приказа. Приказ был подлинным и требовал отдать городу весь состав. Мог указать постановление о неприкосновенном запасе тяги. Оно тоже было подлинным и запрещало оставлять депо меньше двадцати вагонов.

Любая из двух ссылок делала бумагу аккуратной и решение ложным.

Он отодвинул акт и посмотрел на доску. На ней уже не помещались цифры. Восемьдесят четыре вагона стояли на рельсах. Сто двадцать шесть существовали в сводном балансе. Сорок два одновременно числились залогом. Больничный манометр показывал тридцать восемь и семь. Депо просило десять вагонов, если два задержанных рейса придут до полуночи, четырнадцать — если придёт один, семнадцать — если ни одного.

Вероятность третьего варианта в донесении называлась низкой.

Числа к ней не прилагались.

Дмитрий написал на полях: «Низкая — сколько?» — и передал лист секретарю.

— Они не ответят, — сказал представитель железной дороги.

— Тогда у нас будет подтверждённое отсутствие ответа.

— Поезд от этого не поедет.

— Зато будет ясно, кто предлагает оставить ему семнадцать вагонов на основании прилагательного.

Представитель поджал губы. Дмитрий вернулся к доске.

На столе лежали карточки: БОЛЬНИЦА, ВОДА, ХЛЕБ, СЕВЕРНЫЕ КОТЕЛЬНЫЕ, ДЕПО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР. Каждая карточка требовала уголь и обещала бедствие, если его получит другая.

Он переставил БОЛЬНИЦУ выше ВОДЫ, затем вернул обратно. Больница могла закрыть ещё один корпус. Водяной контур не мог закрыть половину трубы.

Дверь открылась без стука.

Кира вошла с двумя сложенными листами и снежной крупой на плечах. На ходу сняла перчатку зубами, поставила сумку на свободный стул и сразу подошла к доске.

— У вас здесь нет жилых домов.

— Есть. Под котельными.

— Людям будет приятно узнать, что они поместились под существительным.

— Если у вас есть новые замеры, давайте их.

Она протянула первый лист, второй оставила в руке.

В северном рабочем районе школьные врачи и домовые управы за утро обошли двадцать четыре дома. В семи температура упала ниже двенадцати градусов. В четырёх жильцы уже топили мебелью и ящиками. Число детей было при-

близительным, расход топлива — ещё приблизительнонее.

— Время замеров?

— Между девятью и одиннадцатью.

— Кто подписал?

— Внизу.

Дмитрий проверил. Три фамилии, одна из них повторялась в больничной ленте.

— Почему выборка именно такая?

— Потому что больше домов до полудня они не успели.

— Значит, мы не знаем, хуже там или просто измерили там.

— В доме на Литейной живёт семилетняя Лида Мороз. Её мать на ночной смене. У них осталось полведра угля.

Дмитрий поднял взгляд.

Кира держала второй лист за самый угол. Там были имена — много, написанных разными руками.

— Лида существует, — продолжила она. — И ещё тридцать один человек на этой странице.

— Я не сомневаюсь.

— На доске их нет.

— Если я напишу их имена, вагонов останется восемьдесят четыре.

— Зато выбирать будете людей, а не карточки.

Он протянул руку за вторым листом. Кира не отдала.

— Что вы хотите, чтобы я сделал с именем Лиды Мороз?

— Учёл.

— Как?

— Она ребёнок. У неё нет запаса.

— В больнице сорок шесть послеоперационных пациентов. У части из них нет возможности перейти в другой корпус. Чьё имя должно отменить остальные?

Кира несколько секунд смотрела на него. Потом положила лист рядом с актом.

— Значит, имя ничего не меняет.

— Оно меняет то, что мы знаем о последствиях. Само по себе оно не говорит, кому отдать вагон.

— Вы умеете сделать жестокость похожей на порядок слов.

Дмитрий почувствовал край стола под пальцами и убрал руку.

— А вы умеете выбрать человека, которого успели увидеть, вместо тех, до кого не дошли. Это тоже порядок. Только скрытый.

Кира открыла рот, но ответить не успела. Телеграф выбил новую ленту. Секретарь прочитал:

— Западная насосная сообщает: резерв электрической станции — четыре часа двадцать минут при прежней нагрузке.

— При прежней? — переспросил Дмитрий.

— Так написано.

Кира повернулась к карте.

— В северном районе люди включают плитки.

— У части домов нет электричества.

— У части есть. И они уже греются чем могут.

Дмитрий снял со стены схему западного контура. Бумага была старой: на ней жилой сектор заканчивался у канала. За последние два года к линии подключили четыре новых квартала, но на схеме они оставались карандашными ответвлениями.

— Последний пересчёт нагрузки когда? — спросил он.

Представитель городского снабжения перелистал папку.

— Весной.

— До подключения шестого квартала?

— Да.

— Насосная питает больничный контур?

— Западный и северо-западный.

— Включая хирургический корпус?

— Да.

Дмитрий придвинул счётную линейку. Если бытовая нагрузка выростала на десять процентов, резерв сокращался почти на час. При пятнадцати западная насосная теряла питание раньше, чем больница успевала израсходовать собственный уголь. Тогда хирургию останавливала уже не температура, а вода.

Он проверил расчёт дважды. Во второй раз взял худший коэффициент.

— Запросить фактическую нагрузку станции, — сказал Дмитрий. — Отдельно по каждому жилому ответвлению.

Через тридцать минут повторить. Пятую котельную не объединять с районной сводкой.

Секретарь записал.

Дмитрий передвинул карточку СЕВЕРНЫЕ КОТЕЛЬНОЕ выше административного центра.

— Из-за Лиды? — спросила Кира.

— Из-за незаписанной нагрузки на насосную.

— Которую вы нашли после её имени.

Он посмотрел на лист с фамилиями. Одно имя не могло стать правилом для всего города. Но вопрос, заданный из-за одного имени, обнаружил связь, которой не было ни в одной ведомственной таблице.

— Да, — сказал Дмитрий.

Кира, кажется, приготовилась спорить и не стала. Она открыла блокнот.

Дмитрий попросил телефонистку соединить его не с управлениями, а с дежурными на объектах. Первой ответила Варвара Наумовна из больницы. В трубке за её голосом гремела каталка.

— Что вы можете отключить ещё на час? — спросил он.

— Вы хотите перечень того, чем больница может пожертвовать?

— Да.

— Прачечная уже стоит. Западный корпус закрыт. Стерилизацию можно вести партиями, если вода не упадёт. Через полтора часа начнём отменять операции.

— Что нельзя восстановить утром?

В трубке стало тише.

— Пациента, которого не прооперировали ночью.

Он записал время, фамилию врача и условие. Варвара Наумовна не попросила уголь для всей больницы. Она назвала точку, после которой опоздание переставало быть задержкой.

Начальник хлебного объединения отвечал на фоне работающих приводов. Две печи можно было погасить и разжечь снова. Тесто из ночной партии испортится, но часть муки останется. Если остановить пар на элеваторе, влажное зерно придётся сушить заново; это занимало день, не жизнь.

На западной станции дежурный инженер сначала потребовал говорить с Комитетом снабжения. Дмитрий назвал номер разового полномочия и повторил вопрос. Инженер признал: трамвайный контур можно отсечь. Насосную — нельзя. После замерзания внешнего участка её возвращали в работу не часами, а днями.

На полях появились три колонки. То, что можно вернуть к следующей смене. То, что потребует ремонта. То, что к утру уже нельзя будет исправить.

— Вы спрашиваете, что они согласны потерять, — сказала Кира.

— Что они действительно способны потерять. Просьбы у всех одинаковые: дать всё и сейчас.

— А подписи под потерями вы тоже соберёте?

Дмитрий посмотрел на три фамилии внизу листа.

— Если маршрут поедет, они войдут в приложение.

Кира записала это дословно. Он заметил и не попросил зачеркнуть.

Дмитрий написал на доске четыре строки:

БЛИЖАЙШИЙ НЕОБРАТИМЫЙ ВРЕД.

ЗАВИСИМЫЕ КОНТУРЫ.

ВРЕМЯ ДО ОТКАЗА.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАМЕНЫ.

Под ними добавил: МИНИМУМ ТЯГИ.

— Почему депо отдельно? — спросила Кира.

— Потому что без локомотивов следующий уголь станет числом на чужой станции.

— Сколько оставите?

— Четырнадцать.

Представитель дороги сразу поднялся:

— Двадцать по постановлению.

— Десять при текущем движении. Четырнадцать, если один из задержанных рейсов не придёт. Семнадцать, если не придут оба. Вероятности третьего варианта у вас нет.

— Тогда берите безопасное число.

— Двадцать безопасно для вашей подписи. Для больницы разница — шесть вагонов.

— Если утром встанет тяга, вы вернёте их из больничного котла?

— Нет. Поэтому четырнадцать, а не десять. И первый сле-

дующий рейс идёт в резерв до пересчёта.

Представитель дороги не сел, но возражать перестал.

Дмитрий распределил остальные карточки. Восемнадцать вагонов — электростанции западного водяного контура. Шестнадцать — больничным котельным. Двадцать два — хлебным печам и складам муки. Северные котельные просили двадцать восемь, но получали четырнадцать. Ещё четырнадцать оставались депо.

Административный центр не получал ничего.

— Директория заседает там, — напомнил секретарь.

— Перенесёт заседание.

— Они потребуют основание.

Дмитрий взял маршрутный акт.

— Для этого и существует пустая графа.

Он успел написать первые два слова, когда снаружи раздались шаги. Не торопливые: человек за дверью не считал, что чужая срочность меняет его скорость.

В комнату вошёл генерал Виктор Ратов.

На сером кителе не было наград. Оружия на поясе тоже не было. Он снял перчатки, положил их рядом и сначала сверил часы на стене со своими. Только потом посмотрел на акт.

— Кто будет открывать охраняемые стрелки? — спросил он.

— Дежурные Узла, — ответил Дмитрий.

— После подтверждения гарнизонной охраны.

— Подпись Директории подтверждена.

— Подтверждено, что Директория дала вам право составить один акт. Самого акта в нашем реестре нет.

— Потому что я ещё его пишу.

— Значит, охрана ещё не знает, что завтра нельзя принять такой же бланк с другой фамилией.

Дмитрий положил ручку.

— У нас нет завтра. У западной насосной меньше четырёх часов.

— Тогда тем более вы просите солдат привыкнуть исполнять быстрее, чем проверять.

— Я прошу проверить подпись.

— По той же линии, по которой пришёл приказ?

— Линия защищённая.

— От перехвата. Не от человека у передатчика.

Ратов достал из папки чистый бланк того же образца, что лежал перед Дмитрием. Печать Директории на нём отсутствовала, но номерные поля, бумага и водяной знак совпали.

— Такие выдавались всем штабам во время весеннего наводнения, — сказал он. — Семь комплектов не вернули. Поставить похожую печать труднее, чем найти этот лист, но легче, чем вернуть поезд после охраняемой стрелки.

— Моя подпись есть в гражданском реестре.

— С сегодняшнего дня. У караула Узла её нет. Им придёт фамилия человека без должности и приказ открыть путь, который до утра держали два ведомства. Если они исполнят

только потому, что город мёрзнет, завтра им пришлют другой срочный город.

Кира посмотрела на пустой бланк. Дмитрий тоже. Его разовое полномочие было узким именно потому, что Директория боялась постоянного координатора. Та же узость делала подпись неизвестной тем, кто должен был ей подчиниться.

Ратов говорил без нажима. От этого возражение звучало хуже. Он не пытался отнять решение, только отказывался признать срочность доказательством подлинности.

— Сколько займёт независимая проверка? — спросил Дмитрий.

— Пятьдесят минут, если Северный пост ответит сразу. Час десять, если придётся поднимать дежурного регистратора.

— За час давление в больнице потеряет ещё одну десятую.

— Возможно.

— И это ваш риск.

— Да.

Ратов не отвёл взгляда.

— А если я открою цепь без второй проверки, следующий поддельный приказ будет моим риском тоже. Только число погибших вы узнаете после исполнения.

Дмитрий посмотрел на карту. Можно было потребовать немедленного пропуска и вынести отказ Ратова в Основное собрание. Тогда состав простоял бы дольше. Можно было отправить акт прямо на Узел, переложив на Сергея Лукича

ещё один выбор, — именно тот, от которого разовая подпись должна была его освободить.

Оставался час.

Час был ценой не Ратова, а процедуры, которая могла однажды остановить чужой приказ.

— Что именно вы подтверждаете? — спросил Дмитрий.

— Личность подписавшего, действительность разового полномочия и неизменность текста между этой комнатой и Узлом.

— Содержание?

— Нет.

— Исполнимость маршрута?

— Железная дорога.

— Тогда ваша подпись не должна стоять под решением.

Ратов слегка нахмурился.

Дмитрий провёл на бланке вертикальную черту. Слева оставил распределение и свою фамилию. Справа написал: «Подлинность полномочия и неизменность текста». Ниже — отдельное место для Ратова и время проверки.

— Если содержание окажется преступным, — сказал генерал, — ваша форма позволит охране заявить, что она лишь проверила печать.

— А нынешняя позволяет ей делать вид, что проверка печати означает согласие со всем приказом.

— Вы разделяете вину.

— Нет. Разделяю работу. Вина останется у того, кто сде-

лал свою часть плохо.

Кира перестала писать. Ратов посмотрел сначала на неё, потом на две колонки.

— Копия проверки остаётся у гарнизона, — сказал он.

— Остаётся.

— При любом расхождении охрана закрывает маршрут без вашего разрешения.

— При расхождении текста или цепи. Не потому, что вам не нравится распределение.

— Запишите.

Дмитрий записал.

— И час задержки тоже, — сказала Кира.

Ратов повернулся к ней.

— С указанием, кто его потребовал?

— С указанием, зачем.

Генерал взял ручку и на своём поле написал время начала проверки. Под ним — фамилию. Не подпись под маршрутом; подпись под задержкой.

— Северный пост, — приказал он сопровождавшему офицеру. — Вторая линия. Полный текст, не номер бланка.

Офицер вышел.

Дмитрий вернулся к своей колонке. В графе «основание распределения» он написал: «ближайший необратимый вред; зависимые контуры; время до отказа; отсутствие замены; минимальный резерв тяги». Под распределением поставил фамилию.

Кира подошла ближе.

— Если через час больница потеряет воду, критерий будет правильным?

— Нет.

— Почему? Вы же учли всё, что знали.

— Потому что людям будет всё равно, насколько честно мы опоздали.

Секретарь принёс свежую ленту. Давление в больнице удерживалось на тридцати восьми и двух: прачечную остановили полностью, тёплую воду оставили только операционным. Местная мера купила им время и забрала его у людей, которым утром понадобятся чистые простыни.

Дмитрий вписал это в цену маршрута.

На доске больше не было свободного места. На акте теперь были две разные подписи и две разные ответственности. Остальные строки ещё пустовали.

За стеной заработала вторая линия.

Состав не двигался.

Впервые за день Дмитрий сам согласился, что должен подождать.

05. Один маршрут

На маршрутном акте было четыре места для подписей.

Одно занимала фамилия Дмитрия. Вторая строка ждала Ратова. Третья — железную дорогу. Четвёртая — того, кто согласится на несколько часов перестать считать сорок два бумажных вагона неприкосновенным залогом.

До следующего больничного порога оставалось пятьдесят восемь минут.

Алексей перевернул карманные часы циферблатом вниз. Время от этого не замедлилось, зато перестало вмешиваться в каждую строку.

— Начнём с того, кто уже почти согласен, — сказал он.

— Ратов не согласен, — ответил секретарь. — Он проверяет.

— Для подписи это уже почти согласие.

Он взял акт, две копии и чистый лист для долгов. На чистом уже стояли четыре заголовка: ГАРНИЗОН, ДОРОГА, ПАЛАТА, ПЕЧАТЬ.

Дмитрий посмотрел на последний.

— Киру нельзя поставить в маршрутный акт.

— Поэтому она на другом листе.

— Что ты ей обещаешь?

— Пока ничего.

— Это слово у тебя означает, что обещание уже сформу-

лировано.

Алексей застегнул пальто.

— Я вернусь с подписями. Постарайся за это время не изобрести пятую.

— Если понадобится, изобрету шестую. Для проверки пятой.

Шутка была плохой, но своей. Алексей задержался на секунду, будто хотел убедиться, что услышал именно её, потом вышел.

Он помнил времена, когда Дмитрию не требовалось полномочие, чтобы быть невыносимым. Тогда спор заканчивался на кухне дешёвой столовой: Дмитрий раскладывал на салфетке расчёт, Алексей находил человека, который согласится его подписать, а потом оба жаловались на подгоревший лук. Сегодня между теми же действиями стояли гарнизон, голодный город и четыре пустые строки.

Не самой ошибки Дмитрия боялся Алексей. Ошибку можно было назвать и проверить. Гораздо хуже было бы однажды обнаружить, что все вокруг уже считают его решение правильным до проверки. Поэтому вторую подпись следовало получить у человека, который не нуждался ни в дружбе, ни в благодарности.

Ратов разместился в комнате военного регистра на другом конце здания. Дверь оставалась открытой. Два оператора передавали маршрут по второй линии: не шифр документа, а каждую станцию, число вагонов и время размыкания пломб.

Третий сверял ответ с копией, проводя линейкой по строкам.

Генерал стоял у окна и не ел принесённый ему хлеб.

— Вы могли проверять и после отправления, — сказал Алексей.

— После отправления это называется расследованием.

— Больница платит за разницу в терминах.

— Больница платит за то, что город месяцами жил с двумя цепями приказов.

Ратов протянул ему лист. Северный пост подтвердил печать Директории и время выдачи полномочия. Не хватало ответа от караула Узла Семнадцать: там должны были сверить текст, полученный по гражданской линии, с военной копией.

— Вам нужна ещё одна гарантия, — сказал Алексей.

— Мне нужна та, о которой договорились.

— После неё вы подпишете только подлинность. Если распределение убьёт тягу, фамилия Дмитрия останется одна.

— Так и должно быть.

— Тогда почему вы хотите право остановить маршрут?

— Если изменится текст.

— Кто определит, что это изменение, а не телеграфная ошибка?

— Мой офицер и начальник Узла.

— Вместе?

Ратов посмотрел на него.

Алексей поставил на стол чистый лист.

— Один человек на каждом конце линии. Решение об остановке действительно только при совпадении двух записей. Иначе ваш офицер станет новым единственным приказом.

Генерал прочитал формулировку.

— Вы всем предлагаете недоверие поровну?

— Нет. Только тем, кто получает возможность остановить поезд.

— А Дмитрию?

— Особенно ему. Его распределение будет опубликовано. Ратов сдвинул хлеб в сторону, освобождая место.

— Критерий тоже?

— Вместе с тем, кто остался без угля.

— Тогда оставьте мне копию до публикации.

— Для проверки текста, не для разрешения.

— Запишите.

Алексей записал первый долг. В этот момент аппарат выдал ответ Узла. Оператор сверил две ленты, отметил одну смазанную букву в названии хлебной ветки и подтвердил: числа, порядок и получатели совпадали.

Ратов подписал своё поле и проставил время.

— Если цепь порвётся, я закрою стрелки.

— Если цепь цела?

— Охрана не будет выбирать, кому тепло нужнее.

Это было не согласие с Дмитрием. Этого было достаточно. До железнодорожного управления Алексей добрался на

служебном автомобиле. Мотор дважды заглох у канала; шофёр ругался вполголоса и грел карбюратор тряпкой. За окнами люди стояли у угольных лавок с мешками и вёдрами. На трамвайной остановке кондуктор высадил пассажиров: депо сэкономило ток.

Начальник движения встретил Алексея в пальто. В кабине было холоднее, чем на лестнице. На столе стояла модель локомотива с отломанным буфером; начальник использовал её как пресс-папье.

— Четырнадцать в резерве — расчёт на удачу, — сказал он, прочитав маршрут.

— На один задержанный рейс.

— А если оба не придут?

— Утром остановите два грузовых выхода.

— Один из них мука.

— Поэтому двадцать два вагона сейчас идут к хлебным печам.

— Уголь не заменяет муку.

— Зато пекарня не сожжёт последнюю муку в холодной печи.

Начальник движения постучал карандашом по маршруту.

— Вы предлагаете взять у завтрашнего состава тягу, чтобы спасти сегодняшний.

— Я предлагаю записать это до того, как завтра вы назовёте задержку неожиданной.

— Запись мне локомотив не вернёт.

— Первый прибывший угольный рейс до любого городского распределения восполняет резерв депо до двадцати. Это будет отдельным условием акта.

— Под чьей подписью?

— Дмитрия.

— Его полномочие закончится, когда первый вагон сдвинется.

Алексей знал, что тот спросит. Положил рядом обязательство Комитета снабжения: оно признавало резерв первым получателем следующего рейса независимо от прекращения разового акта.

Начальник движения прочитал печать, фамилию и дату.

— Значит, снабжение потом будет спорить со мной, а не с ним.

— Да.

— И вы называете это единым маршрутом.

— Маршрут один. Долгов вокруг него больше.

Начальник проверил последовательность отцепок. Четырнадцать вагонов оставались на Узле. Семьдесят уходили на западную линию, затем через больничный и хлебный ответвители к северным котельным. Для последней маневровой операции требовался второй локомотив; его снимали с вечернего грузового, задерживая тот минимум на девяносто минут.

— Вот цена депо, — сказал начальник. — Не четырнадцать вагонов. Полтора часа и одна сорванная смена.

— Укажите в приложении.

— Вы хотите, чтобы я сам записал ущерб?

— Иначе его запишут без вас и назовут саботажем.

Начальник движения взял ручку. Перед подписью добавил: «при условии приоритета резерва и фиксации задержки вечернего грузового как следствия маршрута».

Вторая строка на листе долгов перестала быть пустой.

К Клиринговой палате они приехали уже в сумерках. У входа торговцы мукой продолжали спорить с закрытым окном регистрации. Внутри гасили половину ламп, но пневматические трубы всё ещё звенели капсулами.

Старший регистратор встретил Алексея без приветствия. Рядом с ним сидел управляющий залоговым отделом Городского расчётного банка — единственный человек в комнате, имевший право временно освободить обеспечение. Палата могла подтвердить запись. Рисковал кредитор.

— Госпожа журналистка была убедительнее вас. Она хотя бы не просила сжечь обеспечение.

— Она просила показать, где оно стоит.

— Юридически — здесь.

— Физически — на Узле.

Управляющий банком снял очки.

— После отправления физически оно будет в котлах. А зерновой кредит останется.

Он положил на стол приложение ЗК-4/14. Сорок два вагона партии семь-К обеспечивали осенний договор на зер-

но. Если кредитор узнавал, что залог отчуждён без замены, он получал право остановить следующую поставку и потребовать металл или внешнюю валюту. Ни того, ни другого в городской казне не было.

— Вы предлагаете согреть больницу сегодня и оставить город без хлеба через месяц, — сказал регистратор.

— Предлагаю на двенадцать часов заменить вещный залог обязательством по отопительному сбору.

— Сбор не утверждён как обеспечение.

— Утром его рассмотрит казначейская комиссия.

— А если не утвердит?

— Палата восстановит требование к первому следующему угольному рейсу.

— После депо. Я видел ваше обязательство.

Алексей улыбнулся устало.

— Поэтому вы и не подписываете вслепую.

Управляющий не ответил улыбкой. Регистратор открыл договор и показал пункт о раскрытии ухудшения залога. Уведомление следовало отправить сразу после публичного сообщения или официальной регистрации расходования груза.

— Пока газета молчит, — сказал он, — у нас есть ночь. Утром переносите обеспечение или объясняете городу, почему остановилось зерно.

— Во сколько проходит уведомление?

— Восемь ноль-ноль.

— До восьми имя кредитора и номер зернового договора не появятся в печати.

Управляющий поднял глаза.

— Вы управляете газетой?

— Нет.

— Тогда чем вы сейчас торгуете?

Алексей посмотрел на приложение. Он мог обещать только разговор с Кирой. Банку нужен был результат, а не точность его полномочий.

— Своей фамилией, — сказал он.

— В каком качестве?

— Человека, который принесёт вам утренний выпуск лично. Если договор там будет — вы запускаете уведомление и прилагаете моё обещание.

Управляющий достал отдельный бланк.

— Напишите.

Алексей написал. Обещание не имело силы запретить газете печать. Зато имело достаточно силы, чтобы утром сделать его лжецом и участником давления на прессу.

Ручка на последнем слове царапнула бумагу. Алексей переписал бы фразу мягче для любого другого человека: не «обязуюсь не допустить публикации», а «обязуюсь уведомить до публикации»; не обещание результата, а обещание усилия. Управляющий заметил бы замену и не подписал. Поэтому Алексей оставил формулировку, которую понимали оба.

Он не заставлял Киру молчать. Он только создавал положение, в котором её отказ мог остановить уголь и зерно одновременно. Различие существовало в праве. В жизни оно становилось тоньше с каждым холодным часом.

Банк условно освободил партию семь-К от залогового требования до восьми утра. Управляющий поставил четвёртую подпись на акте; регистратор внёс срок в журнал палаты. Оригинал обещания они оставили себе, Алексею отдали копию через тонкую синюю бумагу.

На улице шофёр спросил:

— В штаб?

— В редакцию.

Кира сидела за наборным столом. Перед ней лежала полоса с заголовком: «КТО ПОЛУЧИТ УГОЛЬ — И ПОЧЕМУ». Ниже шли пять пунктов критерия, числа вагонов и список тех, кто платил за решение: административный центр без поставки, северный район с половиной запрошенного, депо с задержанным грузовым.

Сорока двух вагонов в тексте не было.

Алексей всё равно положил перед ней копию обещания.

— До восьми утра, — сказал он.

Кира прочитала один раз.

— Вы уже пообещали моё молчание.

— Я пообещал выпуск без номера договора.

— Это мой выпуск.

— Да.

— Тогда почему ваша фамилия?

— Потому что свою вы мне не давали.

Она подняла взгляд. Алексей не стал объяснять, что зерновой кредит был реальным, хлеб — будущим, а больничный холод — нынешним. Всё это лежало в приложении.

— Если я напечатаю сейчас? — спросила Кира.

— Палата обязана уведомить кредитора. Тот сможет остановить зерно. Может не остановить.

— Вероятность?

— Нет данных.

— Вы быстро учитесь у него.

— Я учился раньше. Он просто делает это заметным.

Кира взяла карандаш и на копии написала: «08:00». Потом поставила рядом своё время — 18:31.

— Критерий, маршрут, задержки и фамилия Дмитрия выходят сегодня, — сказала она. — Договор и кредитор — утром. Если к восьми залог не перенесён, выходит всё.

— Согласен.

— Я не спрашивала.

Она сложила копию и убрала во внутренний карман сумки.

— Оригинал у палаты, — сказал Алексей.

— У меня была своя копия до вашего прихода.

Он посмотрел на неё.

Кира впервые за разговор улыбнулась, но в улыбке не было победы.

— Вы обещали то, чего не контролировали, Алексей.

— Да.

— Почему?

— Потому что иначе контролировать было бы нечего. По-езд остался бы стоять.

— Когда-нибудь вы скажете это о человеке.

Он хотел ответить легко и не нашёл нужной интонации.

— Вероятно, — сказал Алексей.

Она вернула ему не ту копию, на которой написала время, а чистую синюю кальку. Свой экземпляр оставила в сумке. Алексей мог потребовать расписку, сослаться на банковское условие или хотя бы попросить показать редактору согласованный абзац. Не сделал ничего. Если порядок держался только на бумаге, которую Кира не имела права сохранить, он уже был хуже остановленного состава.

Вернувшись в штаб, он положил перед Дмитрием акт с четырьмя подписями и лист долгов.

Дмитрий прочитал всё, включая обещание палате.

— Кира согласилась?

— До восьми.

— А ты пообещал раньше.

— Иначе палата не дала бы условного освобождения.

— Если бы она отказалась?

— Я пришёл бы к тебе без четвёртой подписи.

Дмитрий задержал взгляд на его фамилии.

— Не делай из этого метод.

— Тогда не делай меня человеком, который каждый раз приносит четвёртую подпись.

За дверью зазвонил телефон. Давление в больнице снова начало падать.

Дмитрий поставил время окончательного утверждения. Разовое полномочие теперь было связано с одним текстом, одним составом и первым подтверждённым движением вагона.

— На Узел, — сказал он.

Последнюю копию Алексей повёз сам.

К девятнадцати сорока туман опустился на путевую горловину. Состав семь-К стоял под паром уже пятнадцатый час. В диспетчерской пахло мокрой шерстью, металлом и слишком крепким чаем.

Сергей Лукич разложил четыре подтверждения по краю стола. Артём читал ему числа, ведя пальцем по гражданской и военной копиям.

— Восемнадцать — западная электростанция, — сказал он. — Шестнадцать — больничный тупик. Двадцать два — хлебная ветка. Четырнадцать — северные котельные. Четырнадцать остаются Узлу.

— Итого?

— Восемьдесят четыре.

— Ещё раз.

Артём пересчитал. Число не изменилось.

Сергей Лукич проверил условие Ратова, резерв дороги и

отметку палаты. Потом посмотрел на Алексея.

— Если хлебная ветка не примет двадцать два вагона в окно, состав перекроет северный выход.

— Приёмная бригада подтвердила.

— По телефону?

— Телеграфом. Копия в папке.

— Хорошо.

— Будете исполнять?

— Сначала запишу, почему.

Он открыл журнал стрелок. На новой строке перечислил два первоначальных приказа, невозможность их совместно-го исполнения, номер разового акта и фамилии четырёх подписавших. Отдельно отметил, что решение о распределении принадлежит Дмитрию, проверка подлинности — Ратову, исполнимость — дороге, освобождение залога — палате.

Алексей наблюдал, как чужой аккуратный почерк превращает их компромиссы в событие.

— Теперь, — сказал Сергей Лукич.

Он положил ладонь на красную рукоять.

Механизм под полом отозвался тяжёлым ударом. За окном красный огонь погас. Несколько секунд семафор оставался чёрным, и Алексей подумал, что именно в эти секунды каждый из подписавших ещё мог вообразить свою версию будущего.

Загорелся зелёный.

Локомотив дал короткий гудок. Первая сцепка натяну-

лась, затем вторая. Удар пошёл по составу к хвосту — через восемьдесят четыре вагона, один за другим. Пар закрыл платформу.

Артём сорвался к окну, но Сергей Лукич окликнул его:
— Сначала время.

Ученик вернулся к журналу и записал: 19:46. Только после этого снова посмотрел наружу. Последний вагон ещё стоял напротив диспетчерской, когда первый уже уходил за стрелки. Между ними натягивалась одна тяжёлая цепь, и каждый удар сцепки подтверждал следующий участок маршрута лучше любой сводки.

Алексей поймал себя на том, что ждёт аплодисментов, хотя в комнате не было людей, склонных аплодировать бумаге. Сергей Лукич уже звонил маневровому мастеру. Артём сверял номер хвостового вагона. Ратовский офицер отметил целостность текста и закрыл журнал.

Разовое полномочие Дмитрия прекратилось, когда первый вагон пересёк выходную отметку.

Никто в диспетчерской не стал от этого свободнее.

К двадцати двум часам Алексей вернулся в штаб. На общей ленте уже стояли первые последствия маршрута: западная станция приняла восемнадцать вагонов, больничный контур удержал воду и давление, хлебная ветка начала разгрузку с опозданием в двадцать семь минут.

Северные котельные получили только половину заявки и позже обещанного. В шестом квартале открыли школьный

зал для семей из холодных домов. Депо сохранило четырнадцать вагонов, но вечерний грузовой остался без маневрового локомотива и потерял девяносто шесть минут.

В штабе эти последствия записали рядом, без итоговой строки «успех».

Редакционный курьер сообщил, что Кира передала полюсу в набор. Критерий и его цена должны были появиться в позднем выпуске. Копия зернового договора осталась у неё.

Ратов унёс свой журнал в гарнизон. Банк оставил обещание Алексея в реестре палаты рядом с залоговой записью. Кира сохранила копию договора. Сергей Лукич вложил маршрут и сверенную Артёмом телеграфную копию в дело Узла.

Состав шёл одним маршрутом.

Бумажный след уже расходился по городу.

0

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.